

Великий пример вдохновенного творчества

«...Литература, — признавался Гоголь в одном из писем, — заняла почти всю жизнь мою...»

Круг интересов писателя отличался исключительной широтой и разносторонностью. С самого начала своего творческого пути он выступал и как художник слова, и как критик, и как теоретик искусства и литературы.

Писатель в глазах Гоголя это — «разрешитель современных вопросов», неразрывно связанный с жизнью родного народа, выразитель его стремлений, исследователь жизни и нравов соотечественников, активно воздействующий своими соданиями на действительность.

Настоящее творчество, утверждал Гоголь, возможно лишь в том случае, когда писатель «при всех великих дарах, при картинной живописи в слове, при орлиной силе взгляда, при возносящей силе лиризма и поражающей силе сарказма, и приобретет полное познание земли своей и своего народа в корне и в ветвях... Владея такими средствами, орудьями, станет подавать он обществу людей, потребную ему в нынешнее время, в современную эпоху и оденет их портретную живостью, которая делает то, что избранный образ преследует нас повсюду так, что нельзя и оторваться».

Оценивая историческую роль своих великих предшественников, рассматривая поэтическое наследие Ломоносова, Державина, Крылова, Фонвизина, Грибоедова, Пушкина, Гоголь стремился прежде всего раскрыть патристические истоки их творчества.

Ломоносов — это прорицатель «сияющей будущности» России. Он «...стоит впереди наших поэтов, как вступление впереди книги. Его поэзия — начинающийся рассвет... он сам как бы первоначальный, пророческий набросок того, что впереди».

В самородной поэзии Державина «величавая Россия, созерцающая себя в осьми морях своих». «У него есть что-то еще более исполненное и парящее, нежели у Ломоносова», — говорит Гоголь, отмечая,

что в стихотворениях Державина более отчетливо выступают люди и жизнь.

Крылов — поэт, «явившийся чисто русским и национальным... В басне у него выразился чисто русский гиб ума, новый юмор, незнакомый ни французам, ни немцам, ни англичанам и ни итальянцам». Басни Крылова Гоголь назвал «достоинством народным», составляющим «книгу мудрости самого народа».

Создание «Недоросля» и «Горя от ума» Гоголь считал гражданским подвигом Фонвизина и Грибоедова: «...огнем негодования лирического заглясь беспощадная сила их насмешки. Это — продолжение той же брани света со тьмою, внесенной в Россию Петром, которая всякого благородного русского делает уже невольного ратником света», — говорит он, указывая, что «подобного выражения... не принимала еще комедия ни у одного из народов».

Но наивысшее проявление русского национального гения Гоголь видел в творчестве Пушкина, своего ближайшего предшественника и учителя.

«При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте. В самом деле, никто из поэтов наших не выше его и не может более называться национальным; это право решительно принадлежит ему...»

Тонко и умело выделяет Гоголь у каждого из великих писателей многообразные стороны народного духа, которые отражены в их соданиях. «И как все эти поэты различны между собою! — восклицает он. — Какие сильные противоположности представляют в собрании своем воедино!.. Как широко раскинут фундамент колоссального здания будущей русской литературы!».

Глубокий интерес Гоголя к народному творчеству обнаружился еще в годы содания «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Его письма к родным из Петербурга полны просьб о присылке ему не только легенд, песен, сказок, старинных рукописей, но и подробных описаний народных обычаев, поверий, обрядов и костюмов. Уделили три больших тетради

Гоголя, в которых записаны сотни русских и украинских песен.

В неисчерпаемом богатстве народной поэзии Гоголь еще в молодые годы видел один из залогов самостоятельного развития литературы, независимой от чужеродных влияний. В этом Гоголь прямо перекликается с тем, что утверждал Пушкин десятилетием раньше в своих черновых заметках: «...есте у нас свой язык; смелее! — обычай, история, песни, сказки...»

И Пушкин и Гоголь были провозвестниками подлинной народности в литературе. Они превосходно понимали огромное значение фольклора для науки и искусства. В статье «О малороссийских песнях» Гоголь писал: «Это народная история, живая, яркая, исполненная красок, истины, обнажающая всю жизнь народа... Кто не проникнул в них глубоко, тот ничего не узнает о прошедшем быте этой цветущей части России».

Любопытно, что автор «Полтавы» еще в конце двадцатых годов обращался к источнику, о котором так вдохновенно говорил Гоголь в этой статье. Вот что рассказывает в своих воспоминаниях собиратель украинского фольклора М. А. Максимович: «Я застал его (Пушкина) за письменным столом, перед ним были развернуты Малороссийские песни моего издания 1827 года. «А я обкрадываю ваши песни! — сказал он и, взяв со стола прерванное мной приходом письмо, прочел из него выразительно:

Мені с жінкою не возитися,
А тютю та люлька
Козаку в дорозі
Знадобитися!».

Готовясь к созданию «Тараса Бульбы», Гоголь погрузился в изучение старинных песен, которые дали ему возможность «узнать верный быт, стихии характера, все изгибы и оттенки чувств, волнений, страданий, веселий изображаемого народа»: песни воскресили перед ним «дух минувшего века» и раскрыли ему историю народа «в ясном величии». В истории народа, в песнях народа почерпнул он те ослепительно яркие краски, ту дивную поэзию, которой проникнута его повесть о самоотверженной борьбе запорожских

казаков, этих «южных россиян», как называет их автор «Тараса Бульбы», против чужеземных захватчиков. Замечательно, что общий фон и отдельные части этой огромной картины были набросаны Гоголем еще в статье «О малороссийских песнях». Подобно тому, как отражается солнце в капле воды, мелькнули вдруг в этом поэтическом отрывке очертания гениальной повести Гоголя. Определяя в статье внутренний смысл и сюжетные мотивы народных песен, Гоголь писал: «...езде в них дышит эта широкая воля казацкой жизни. Везде видна та сила, радость, могущество, с какою казак бросает тишину и беспечность жизни домовитой, чтобы владеть во всю поэзию битв, опасностей... Ни чернубровая подруга... удерживающая за стремя коня его, ни престарелая мать, разливающаяся как ручей слезами... ничто не в силах удержать его. Упрямый, непреклонный, он спешит в степи, в вольницу товарищей... Сверкает Черное море; вся чудесная, неизмеримая степь от Тамана до Дуная — дикий океан цветов колышется одним налетом ветра; в беспредельной глубине неба тонут лебеди и журавли; умирающий казак лежит среди этой свежести девственной природы и собирает все силы, чтоб не умереть, не взглянув еще раз на своих товарищей».

В нашей литературе едва ли найдется другой писатель, который посвятил бы столько вдохновенных страниц народной песне, «несущейся по всему лицу земли русской». Говоря в лирическом отступлении последней главы «Мертвых душ» о непостижимой тайной силе, приковывающей все его мысли к родине, Гоголь спрашивал: «Почему слышится и раздается немолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря и до моря, песня? Что в ней, в этой песне? Что зовет, — и рыдает, и хватает за сердце? Какие звуки болезненно лобзуют и стремятся в душу и вьются около моего сердца?».

В самородном ключе народной поэзии Гоголь видел не только истоки и достояние нашей литературы, но и те начала, которые должны питать русскую музыку. Едва ли не первый отметил он, что «Иван Сусалин» Глинки создан на основе пропозитивного постижения гениальным композитором характера национальных песенных мотивов.

Если песни в глазах писателя были отражением поэтических ощущений и чувств народа, то в пословицах и поговорках русских сказались, по его словам, необыч-

новенная полнота народного ума, умевшего «сделать все своим орудием: иронию, насмешку, наглядность, меткость живописного соображения...». «...Наши пословицы, — говорит Гоголь, — значителнее пословиц всех других народов. Сверх полноты мыслей, уже в самом образе выражения в них отразилось много народных свойств наших... Все великие люди, от Пушкина до Суворова и Петра, благоговели перед нашими пословицами».

«Русская пословица вовек не сломится», — эту поговорку Гоголь выделил в одной из своих записных книжек.

Стихия родного языка была бесконечно дорога Гоголю. Многие годы посвятил он собиранию материала для задуманного им словаря живой народной речи. «Дивисься драгоценности нашего языка: — писал он, — что ни звук, то и подарок; все зернисто, крупно, как сам жемчуг...» Призывая писателей стать ближе к народным началам и говоря о судьбах и характере будущей русской поэзии, Гоголь высказывал уверенность, что в самом внутреннем строе русского языка заложены огромные возможности дальнейшего развития: «...еще материалы, еще глыбы, еще в руде дороге металлы, из которых выкуется иная, сильнейшая речь».

***

«Поэт на поприще слова должен быть так же безукоризнен, как и всякий другой на своем поприще...» — писал Гоголь. — Обращаться с словом нужно честно».

Жизненная правда изображаемых событий, типичность характеров имела перво-степенное значение для писателя-реалиста. Искусство пластической лепки образов было доведено Гоголем до совершенства. Он признавался, что не воображение, а пылкое изучение действительности подарило ему его лучшие образы, что угадывать человека он мог только тогда, когда ясно представлял себе все, даже мельчайшие подробности его внешности.

Из многочисленных писем Гоголя о «Ревизоре», из его пояснительных статей об этой комедии видно, какая огромная, напряженная внутренняя работа предшествовала ее написанию, как глубоко были обдуманы писателем поступки, движения, реплики каждого действующего лица, как ясно, живо и отчетливо представлял он себе не только характерные свойства, повадки и черточки своих героев, но и всякую мелочь в их costume. Потому-то и привлекло особенное внимание Гоголя то определение качеств истинного творчества, какое было дано Белинским в статье

«О русской повести и повестях Гоголя». Однажды, когда речь зашла об этой статье, рассказывает Анненков, Гоголь перечитал вслух соответствующее место: «Еще создание художника есть тайна для всех, еще он не брал пера в руки, — а уже видит образы ясно, уже может считать складки их платья, торщины их чела, изборожденного страстями и горем, а уже знает их лучше, чем вы знаете своего отца, брата, друга, свою мать, сестру, возлюбленную сердца; также он знает и то, что они будут говорить и делать, видит всю нить событий, которая обвяжет и свяжет между собою...» — «Это совершенная правда», — заметил Гоголь».

Творческий труд — это непрерывное совершенствование мастерства. Даже в ту пору, когда были уже написаны основные произведения вплоть до первого тома «Мертвых душ», Гоголь все еще считал свой слог и язык — эти «первые необходимые орудия всякого писателя» — недостаточно обработанными. Никогда не мог удовлетвориться он достигнутым. Требовательность его к себе не знала границ. Диалоги своих героев Гоголь перерабатывал по многу раз, проверяя на слух верность и естественность их речи. Один из мемуаристов рассказывает, что, «проходя мимо дверей, ведущих в комнату Гоголя, он не раз слышал, как Гоголь один, в запертой горнице будто бы с кем-то разговаривал».

И после того, как то или иное произведение Гоголя выходило в свет и получало признание читателей, он вновь и вновь возвращался к нему, перерабатывая, перестраивая его, внося существенные изменения и дополнения, как это было с «Портретом», «Тарасом Бульбой», с «Ревизором». Сопоставление первоначальных вариантов «Ревизора», «Юльски», «Мертвых душ» с их печатными редакциями показывает, с какой тщательностью производилась Гоголем отделка каждой сцены, дорисовка каждой фигуры, как обрабатывалась им каждая фраза.

«Человек пишущий так же не должен оставлять пера, — говорил Гоголь, — как живописец кисти. Пусть что-нибудь пишет непременно каждый день. Надобно, чтоб рука приучилась совершенно повиноваться мысли».

Судьбы родной литературы, неразрывно связанной с народом, с его творчеством, законы языка, вопросы писательского мастерства, — все это было предметом постоянных размышлений великого художника слова.

Н. БОГОСЛОВСКИЙ